

Марк Захаров когда-то сказал: «Ширвиндт, наверно, все-таки не артист. Тем более не режиссер. Если спросить, кто он такой, отвечу, что профессия у него уникальная. Он - Ширвиндт». Вы с этим согласны?

- В чем-то он, конечно, прав. Есть патологические актеры, которые не могут не играть. Андрей Миронов, например, таким был. И есть актеры, ставшие таковыми волею обстоятельств, что ли. Я, наверное, из них. Я люблю репетиции, премьеры. А вот выходить на сцену в солом спектакле мне скучно. Иногда думаю, что все-таки с профессией не угадал. И в то же время очень жаль несыгранных ролей.

Один весьма известный театральный режиссер ставил в Малом театре спектакль «Свадьба Кречинского» и все время говорил актеру, репетировавшему роль Кречинского: «Ничего не придумывай, просто играй Ширвиндта». Ну и зачем этому актеру было так стараться, когда можно было просто взять на роль меня? Или тому актеру дать простор для творчества.

Почему у вашей книги такое необычное название?

- Ширвиндт - был такой город. Самый восточный город Германии. Располагался в районе слияния рек Шелуне и Ширвинты. Как поселение упоминается еще в начале XVI века. Статус города получил в 1725 году во время правления прусского короля Фридриха Вильгельма. В 1947 году Ширвиндт был переименован в поселок Кутузов и вошел в состав Краснознаменного района Калининградской области. В книге я цитирую одного современного историка: «Ширвиндта мы не нашли. Его просто нет. Сейчас на месте Ширвиндта растут дикие травы и кустарники. Он исчез с лица земли...» Я подумал: может, пора собрать документы, доказать, что город назван в честь моих предков, и приватизировать эти земли. Хотя зачем мне эти земли? Моя книга - это и есть город моего прошлого.

Возможно, если бы мой город и фамилия сразу были бы Кутузов, то наши судьбы сложились бы по-другому. Когда я оканчивал театральное училище, мне популярно объяснили, что актеру с такой фамилией в нашем искусстве делать нечего. Так что на сцене я дебютировал как Александр Ветров. Сохранились афиши Театра эстрады с таким вариантом моей фамилии. Но потом опомнился и вернулся на круги своя. Мою фамилию постоянно коверкали до неузнаваемости, над чем Державин всегда нещадно издевался. Но вот однажды мы с ним выступали в военном госпитале под Ашхабадом, и там висела такая бумажка «У нас в гостях известные артисты Дарвин и Ровенглот». Ну, я Ровенглот - это ладно, но чтобы Мишка - Дарвин! И после этого я успокоился.

Кем были ваши родители?

- Мама училась в Первой студии МХАТ еще при Немировиче-Данченко, но из-за болезни оставила актерскую профессию и работала музыкальным редактором в филармонии. Отец мой - очень талантливый скрипач. Кстати, мой нежный и уникальный папа на самом деле не Анатолий, а Теодор. Просто в те далекие годы в России иметь немецкие корни было еще опаснее, чем еврейские, и папу сделали Анатолием. А то я мог стать Александром Теодоровичем. Как красиво!

Мое детство прошло в Скертном переулке, в самом центре Москвы. Помню себя лет с четырех, гуляющим по Гоголевскому бульвару. В каждом дворе верховодила своя шпана, а между дворами шли всякие разборки. Я был интеллигентным мальчиком, не умел драться, но свои меня всегда прикрывали. Моя семья проживала в коммунальной квартире из семи комнат. Все соседи, имевшие совершенно разное социальное, национальное и материальное положение, ладили друг с другом. Родители были знакомы с уникальными людьми. К нам в дом приходили Качалов, Плятт, Рина Зеленая, Утесов... Помню себя сидящим на коленях у великого актера Яхонтова, который

В компании друзей он известен под выразительным прозвищем Маска, данным ему, кажется, еще Андреем Мироновым. Непроницаемость лица, надежно скрывающая любые страсти и эмоции, - визитная карточка Александра Ширвиндта, одного из самых любимых артистов в нашей стране. Кино, театр, эстрада, режиссура, театральная педагогика - все это он. А еще нынешний художественный руководитель Московского театра сатиры - автор знаменитых капутников в Доме актера, много пишущий для эстрады. На недавно прошедшей в Москве Международной книжной выставке-ярмарке состоялась презентация его новой книги - «Ширвиндт, стерты с лица земли».

ФОТО ИТАР-ТАСС

Александр ШИРВИНДТ: КОГДА МЕНЯ МУЧИЛИ СКРИПКОЙ, Я ЗАПИРАЛСЯ В ТУАЛЕТЕ

очень часто проверял свои работы на маме. Он сажал меня к себе на колени, чтобы «не бросаться в мизансцены».

Вас учили играть на скрипке?

- Меня мучили скрипкой. Когда в дверях появлялся папа со скрипкой, я сразу бросался в туалет и крепко запирался. И хотя все соседи меня понимали, выходить все же приходилось, и я снова попадал в руки папы. Главный аргумент моей защиты был тот, что сын наших друзей - Игорь Ойстрах - тоже не хочет заниматься. Однажды папа пришел домой и поведал, что встретил Давида Ойстраха, и тот ему рассказал, что Игорь давно одумался, прилежно занимается музыкой и у него будет концерт в Малом зале консерватории. «И ты бы мог!» - со слезами на глазах восклицал папа.

А венцом моей музыкальной карьеры можно назвать выступление в Большом зале консерватории с ансамблем «Виртуозы Москвы» на их юбилейном концерте. Дело в том, что Владимир Спиваков долгое время играл на скрипке моего отца. Во время войны папа был на фронте с концертной бригадой, в его скрипку попал осколок, и скрипка погибла. И вот лично по приказу Жукова отцу передали уникальную трофейную скрипку мастера Гобетти. Потом, уже много лет спустя, в инструмент зашел какой-то червячок, и папа передал ее профессору Янкевичу. Скрипку вылечили, а потом она оказалась у Владимира Спивакова - ученика Янкевича.

В 1992 году Спиваков позвонил мне и сказал, что хочет во время юбилейного концерта на сцене Большого зала консерватории вернуть мне скрипку отца. Я вышел на сцену и в присутствии президента России Ельцина, правительства и творческой интеллигенции сыграл часть Концерта Вивальди в сопровождении «Виртуозов Москвы». Жаль, что мой папа не видел этого выступления!

Пригодилось ли вам музыкальное образование на сцене?

- Я играл на скрипке в пяти спектаклях.

А в школе вы хорошо учились?

- Я учился в элитной московской 110-й школе. Учился ужасно! Помогали мамы знакомства с великими актерами, которые из уважения к ней давали концерты в нашей школе. Козловский, Журавлев, Обухова, Плятт, Рина Зеленая томилась в кулисах маленькой сцены, помогая окончить среднюю школу оболтусу своей подруги.

У нас работал очень сильный драмкружок, я, конечно, в нем участвовал, но ведущим актером не стал. Ведущими были Леня Глейх и Вадим Маратов, которые снисходительно брали меня им подыгрывать. Помню, как мы играли сцену из «Бориса Годунова». Стоял школьный стол, покрытый зеленым сукном, и Леня Глейх с наклеенной седой бородой изображал Пимена. А я сидел под столом и немного шатал его, чтобы пламя свечи колыхалось. Эта сцена совершенно потрясла зрителей. И я к этому, можно сказать, приложил руку.

Наш класс пора вносить в Книгу рекордов Гиннеса. Каждый год, вот уже 55 лет подряд, мы обязательно собираемся.

А как вы познакомились с Державиным?

- Это произошло в глубоком детстве. Мишка - сын известного вехтанговского актера Михаила Степановича Державина. Наши родители, естественно, знали друг друга. А вообще мы родились в одном роддоме - знаменитом арбатском роддоме имени Грауэрмана. Я, правда, двумя годами раньше. Там же через шесть с половиной лет появился на свет и Андрей Миронов.

Я помню его школьником. Но тогда для меня его ровесники вообще были какой-то мелюзгой. Помню, как в 1955 году студентом третьего курса я выступал в каком-то теат-

ральном обозрении в Московском театре эстрады, который находился тогда на площади Маяковского. В зале в пятом ряду сидели Мария Владимировна и Александр Семенович, а между ними, не справа и не слева, а именно в центре, сидел ученик седьмого класса Андрюша Миронов и как замороженный смотрел на сцену.

Почему вы не напишете о нем книгу? Вы столько лет дружили, вам есть что вспомнить и рассказать...

- Вообще-то, в сумме - статьи, главы в книгах - я о нем уже много написал. В последней книге, в моем «Городе», есть глава «Перспектив Миронова». Но что-то совсем мое, живое, личное, мне бы не хотелось выставлять на потребу любопытствующей публике.

Как житель московской коммуналки в Скертном переулке оказался обладателем элитной квартиры в высотном доме на Котельнической набережной?

- По воле слепого случая. Переехал по обмену в 1965 году. Я весело и счастливо проживал в своей «скертной» многокомнатной квартире, в которую приехал сразу из роддома имени Грауэрмана, и долго не знал, что человеку можно жить без соседей. Знала и помнила об этом моя жена - Наталья Николаевна Белоусова. По отцовской линии ее предки - элитарное московское купечество. А по материнской она вообще столбовая дворянка - их род восходит до знаменитого Семенова Тянь-Шанского. Так что семья Семновых-Белоусовых помнила времена иных жилищных возможностей. У них на даче уже в нынешнее время даже была корова, что, возможно, сыграло решающую роль в моем сватовстве. После нашей женитьбы ее продали, так как решили, что держать в семье и меня, и корову накладно.

Наталья Николаевна и затеяла этот обмен. Меняли мы две комнаты в семикомнатной коммуналке и

однокомнатную квартирку в хрущевке на трехкомнатную квартиру. И этот вариант неожиданно привлек сына какого-то генерала КГБ, который жил в квартире отца с двумя женами - бывшей и нынешней. Понятно, что атмосфера в доме была накалена до предела, и он решил, что в его ситуации мой вариант обмена - идеальная находка.

Кто стал вашими соседями?

- Наш дом - уникален. Это настоящий микрогород, который когда-то построил Сталин для военной и культурной элиты. Твардовский, Ладина, Паустовский, Клара Лучко, Роман Кармен, Раневская, Уланова... Это далеко не все знаменитые люди, кто жил в этом доме. Сегодняшние хозяева жизни скупают у наследников по нескольку квартир и соединяют их в личные архитектурные ансамбли, не боясь не отличить при реконструкции несущую стену от ненесущей. И теперь стены нашего дома несут на своих древних плечах груз ответственности за безответственную безнадзорность.

Некоторые из старой гвардии отбывают до конца от весьма заманчивых предложений. Одной из последних сдалась моя старая подруга - вдова знаменитого генерала. Всякий раз при встрече она гневно восклицала: «Никогда, ни за что не пушу в родные стены эту шпану!» А недавно остановила меня во дворе и сказала: «Все, продаю квартиру. Не могли бы вы мне найти евреев для ремонта? Они поставили такое условие». Пока до меня дошло, что речь идет о евроремонте, прошло некоторое время...

Из великих в моем доме остался, например, внук Дзержинского - Феликс Иванович Дзержинский. Он - бывший артист Москонцерта. Выступал под псевдонимом Вобликов, жонглировал русскими самоварами. Сейчас он на пенсии и охраняет платную стоянку около нашего дома. Дзержинский внимательно следит за моим творчеством и моей машиной. Если ему нравится спектакль Театра сатиры, то он меня обнимает и спрашивает: «Какую водку тебе купить за доставленное удовольствие?» Так что за водкой у меня бегают Феликс Дзержинский.

У меня очень доброжелательные соседи. Я, например, обожаю вареный лук. И мне его охотно несут со всего дома. Я прямо вижу этот процесс: вот соседка варит щи, вылавливает склизкую луковичку из кастрюли, подносит к помойному ведру и вдруг вспоминает, что рядом живет сумасшедший сосед, который любит эту гадость. Она кладет лук на блюдечко и несет его мне. Тут важно понять по состоянию луковички, когда обо мне вспомнили, и не попала ли луковичка на блюдечко уже из ведра.

Хотя ко всему нужно относиться философски. Вот, например, в нашем доме мусорные баки стоят у двух разных крыльев дома. А у двух бомжей, которые каждое утро роняются в разных баках, есть мобильные телефоны. И бомжиха звонит своему приятелю на другое крыло здания: «Ветчинку не бери - я взяла, а вот сырка нет!» Это они себе завтрак сервируют.

Когда-то вы говорили, что можно быть либо хорошим актером, либо хорошим художественным руководителем. Теперь вам приходится заниматься всеми профессиями сразу. Справляетесь?

- Пытаюсь справляться.

А если выбирать, что бы вы предпочли?

- Чтобы какая-нибудь миллионерша оказалась моей троюродной теткой и оставила бы мне пару миллионов. Вот бы меня в этом кресле художественного руководителя видела!

Ничего бы не делали?

- Делал бы только что-то для души.

А театр вошел бы в сферу занятий для души?

- Сейчас уже нет. Хотя все-таки это слишком опрометчиво сказано. Заказал бы за пятьсот тысяч гениальную пьесу гениальному автору.

Вы бы поставили ее или сыграли?

- Гениальную? Конечно, сыграл.

Беседа велась Галина СТЕПАНОВА